УДК 81.411.2–22

ДИСКУРС КАК ВЫСШАЯ ЕДИНИЦА КОММУНИКАТИВНОГО АКТА

Рождественская Н.В., аспирант

Днепропетровский национальный университет

Статья посвящена актуальным проблемам современного языкознания: определению понятия, статуса и связности дискурса, разделению дискурса и текста.

Ключевые слова: дискурс, текст, связность.

Рождественьська Н.В ДИСКУРС ЯК ВИЩА ОДИНИЦЯ КОМУНІКАТИВНОГО АКТУ /Дніпропетровський національний університет, Україна

Стаття присвячена актуальним проблемам сучасного мовознавства: визначенню поняття, статусу та зв'язності дискурса, розмежуванню дискурса та тексту.

Ключові слова: дискурс, текст, зв'язність.

Rozhdestvenska N.V. DISCOURSE AS THE HIGHEST UNIT OF COMMUNICATIVE ACT / Dnepropetrovsk national university, Ukraine

The article is devoted burning problems of modern linguistics: definition of the notion of status and coherence of discourse, differentiation between discourse and a text.

Key words: discourse, text, coherence.

Дискурс в широком смысле слова является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта. Преимущество такого понимания состоит в том, что дискурс, нарушая интуитивные или лингвистические подходы к его определению, не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, то есть рамками текста.

Дискурс является чрезвычайно распространенным в последнее время и престижно-модным, по выражению Н. И. Сукаленко, понятием [1]. Кстати сказать, фактор моды на заимствование иностранных терминов и предопределил его появление в отечественной лингвистике: термин *дискурс* был заимствован из англосаксонской лингвистической школы в начале 70-х годов. Этот термин обозначает «тексты в их текстовой данности и в их особенностях». Термина же функциональный стиль там не было вовсе, так как не было стилистики как особой отрасли языкознания.

Ворвавшись вместе с переводными работами в отечественную лингвистику, этот термин начинает «дрейфовать» между текстом, контекстом, функциональным стилем, подъязыком и т.д., то сближаясь с этими понятиями, то имея собственное определение. У известных лингвистов как отечественного, так и зарубежного языкознания встречаются художественно меткие, но при этом гуманитарно-эссеистические определения термина, то есть определения не аналитического характера, а скорее определения-впечатления, определения-ощущения. Ср., например, определения дискурса у Э. Бенвениста: «Дискурс – это речь, присваиваемая говорящим» и у Н. Д. Арутюновой: «Дискурс – это речь, погруженная в жизнь», приведенные в Лингвистическом энциклопедическом словаре [2].

На сегодняшний день сфера функционирования термина «дискурс» настолько велика, что приходится говорить о полисемии этой терминологической единицы. При этом можно проследить ее расширение как в горизонтальном направлении, то есть в разных науках, так в вертикальном, то есть на разных уровнях лингвистики. Таким образом, к его отличительным характеристикам, бесспорно, следует отнести многозначность и использование в различных областях гуманитарного знания, поэтому постановка вопроса о динамичности термина «дискурс» в аспекте его семантического варьирования вполне правомерна.

Прежде всего обратим внимание на такую характерную черту любого термина, как его прагматичность, то есть, как пишет Б.Ю. Городецкий, «на зависимость содержания термина от практической деятельности, в которой он используется, от намерений и установок, использующих его людей» [3].

Существующие многочисленные определения сущности дискурса заставили Ю. С. Степанова высказать предположение о такой его специфике, которая не позволяла бы смешивать его с другими как бы синонимичными единицами: «не является ли дискурс всегда, в том числе и в наши дни, выражением какой-то мифологии», и мифологичность считать одной из составляющих черт дискурса [4].

Приведем здесь и другие определения дискурса. Существуют дефиниции дискурса, в которых закрепляется приоритет текста, и тогда дискурс можно рассматривать в качестве предмета лингвистики текста, а дискурсивный анализ – одним из ее методов. Такой подход был характерен в период становления лингвистики текста и зафиксирован в «Кратком словаре терминов лингвистики текста» Т. М. Николаевой: «Дискурс – многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 4) речевое произведение как данность – письменная или устная» [5].

Из имеющихся определений дискурса представляется необходимым привести два, в которых определение «дискурса» вышло за пределы текста, или отрезка текста и стало включать в себя перечисление условий, в которых этот текст актуализируется. Прежде всего это определение, данное Т. А. ван Дейком, которому в современном языкознании принадлежит приоритет в описании дискурса: «Дискурс в широком смысле является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [6]. И определение Н. Д. Арутюновой, которое как бы развертывает сжатое определение дискурса ван Дейком: «Дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [7].

Можно привести и лаконичную дефиницию дискурса, предложенную Ю.Н.Карауловым и В.В. Петровым, которая аккумулирует воззрения ван Дейка на дискурс и которая положена в качестве отправного момента в основу многих лингвистических исследований текста современного периода: «дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста [8].

Из имеющихся определений дискурса наиболее полными в современной теории языкознания, на наш взгляд, являются два, данные В. З. Демьянковым и Н. И. Формановской. В. З. Демьянков, основываясь на новых зарубежных работах в области дискурса, предложил такую его дефиницию: «дискурс – произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса, – это точка зрения «этнографии речи». Исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т.п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и «несобытия», то есть а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников события; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [9].

Ядром этой дефиниции можно считать положение о том, что дискурс определяется не как величина, адекватная тексту, или даже, как ясно из приведенных выше определений, синонимичная ему, а значительно шире. Эта дефиниция заслуживает особого внимания также в связи с включением в нее характеристик, относящихся к разным дисциплинам, – от семиотики до теории коммуникации, социологии, модальной логики и др.

В самом общем плане Н. И. Формановская определила дискурс как более крупную единицу общения, как основную единицу общения, «упакованную в форму текста» [10]. Целесообразно понимать дискурс как процесс речевой деятельности, в котором представлена информация не только о положении дел в мире, но и весь набор субъективных, социокультурных, национально специфичных, в том числе прецедентных и стереотипных смыслов. Выстраивая дискурс, говорящий ориентируется на адресата в общем с ним денотативном пространстве, фоновых и текущих знаниях, выражает свои интенции, эмоции, оценки, отношения в ряде взаимосвязанных высказываний, «упаковывая» их в текстовые структуры по законам цельности, связности, смысловой и структурной завершенности [11]. Значимым в приведенном определении является выделение действительно специфических характеристик, которые и выделяют дискурс как единицу особую: это речевой поток, это язык в его постоянном движении, вбирающий в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение.

Отметим здесь, что понятийная сфера дискурса в лингвистике значительно расширилась: сегодня можно встретить без особых возражений термины *диалогический дискурс* и *монологический дискурс*. Еще несколько лет назад подобное употребление термина рассматривалось бы как ошибочное.

Трактовка дискурса, предложенная Т. А. ван Дейком, как речевой поток, в котором отражается менталитет и культура как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная, значительно расширила и семантический объем термина. В социологии, политологии, социальной семиотике термин «дискурс» стал употребляться для обозначения *дискурсивной практики* (такое понимание принадлежит М. Фуко). Термин дискурс широко использовал в своих работах известный немецкий философ Ю. Хабермас. В его работах дискурс – вид речевой коммуникации, обусловленный критическим рассмотрением ценностей и норм социальной жизни, что реализовано в одной из его известных работ «Комментарии этики дискурса». Ю Хабермас внес большой вклад в развитие теории коммуникации, он предложил для изучения социальных практик такие термины, как: практический дискурс, критический дискурс, этический дискурс [12].

Появление различных значений термина дискурс свидетельствует о распаде его полисемичности, что, впрочем, зафиксировал вышедший в 1996 г. «Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике»:

1. Дискурс – совокупность тематически, культурно или еще каким-то образом взаимосвязанных текстов, что допускает развитие и дополнение другими текстами. Термин лингвистики текста и дискурс-анализа.

2. Дискурс – общение, которое рассматривается как реализация определенных дискурсивных практик.

Термин социологии, социальной семиотики и политологии, введенный М. Фуко.

3. Дискурс – вид речевой коммуникации, которая предусматривает рациональный критический обзор ценностей, норм и правил общественной жизни, единственной целью которого является достижение взаимопонимания. Термин логики, философии, социологии и социальной семиотики, введенный Ю. Хабермасом [13].

Таким образом, можно констатировать, что к настоящему времени сформировались два основных понятия дискурса: 1) дискурс как текст, актуализируемый в определенных условиях, и 2) дискурс как дискурсивная практика. Подводя итог анализа семантического и когнитивного объема рассматриваемого термина, приведем еще две точки зрения, позволяющие показать значительное удаление друг от друга дефиниций данного термина. Ю.С.Степанов предложил определить «дискурс» как «возможный альтернативный мир» в полном смысле этого логико-философского термина [14]. Такой подход к термину можно считать, по-видимому, наиболее многоаспектным. Что же касается предельной лаконичности дефиниции, то, как нам кажется, она была достигнута в «Экспериментальном системном толковом словаре стилистических терминов» С. Н. Никитиной и Н. В. Васильевой, где дискурс понимается как «связный текст, погруженный в экстралингвистический контекст» [15].

Мы же придерживаемся следующего определения дискурса, данного Н. Н. Мироновой: «Дискурс – это цельнооформленная единица информации, обусловленная лингвистическими и экстралингвистическими параметрами и представляющая собой совокупность текстов, имеющих схожие принципы построения, то есть одинаковые прагматические параметры» [16]. Важнейшими моментами в этом определении нам представляются: цельнооформленность дискурса, которая проявляется, естественно, в его семантической и грамматической структуре, обусловленной лингвистическими факторами, и связь с прагматическими параметрами – культурологическими, историческими, политическими, идеологическими, психологическими (ментальными).

Дискурсы реализуются в виде текстов, и это положение не вызывает сомнений. Отметим здесь, что в зависимости от того, насколько тесным было соответствие дискурса и текста, менялось и трактовка дискурса. И если в 60 – 70-е годы дискурс понимался как связанная последовательность предложений или речевых актов, то с позиций современных подходов к дискурсу – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата и т.п.), необходимые для понимания текста. Очевидно, что такое понимание дискурса как сложной системы иерархии знаний предполагает и соответствующие специфические его характеристики.

Любая точка зрения, заложенная в дискурсе, выражается не только в использовании соответствующих структур предложения, конструкций, но также и в зависимости синтаксиса и семантики текста. Эти и другие так называемые поверхностные структуры, используемые в качестве сигналов лежащей в их основе семантической связности, представляют как бы первый уровень дискурса и предопределяют семантический уровень дискурса.

Дискурс не может состоять из изолированных друг от друга предложений. Помимо структур, описанных лингвистикой и традиционными грамматиками предложения, были выдвинуты и другие структуры дискурса, и прежде всего структуры последовательностей предложений. Это означает, что синтаксис и семантика предложений в дискурсе описываются с учетом структур и интерпретации соседствующих (обычно предшествующих) предложений того же текста. Порядок слов и функции, выполняемые ими, лежащие в их основе семантические роли зависят, естественно, от общего текстового окружения.

Семантический же уровень дискурса, учитывая безусловную последовательность и связность предложений, дает возможность изучать соотнесенные друг с другом интерпретации: значение слов, предложений рассматривается как функция от значений, закрепленных за предшествующими предложениями. Этот аспект дискурса называют локальной или последовательной связностью [17]. В упрощенном виде основное правило семантической связности, по ван Дейку, состоит в том, что предложение А связано с предложением В, если А относится к ситуации или событию, которое является возможным(вероятным, необходимым) условием существования ситуации или события, к которому относится В (или наоборот).

Правило семантической связности можно перефразировать еще проще: текст является семантически связным, если он описывает возможную последовательность событий (действий, ситуаций). Отсюда следует, что семантика дискурса не является автономной в том плане, что достаточно знать лишь лексические значения слов и их сочетаний, но семантическая связность дискурса зависит от наших знаний и суждений о том, что возможно в этом мире. Необходимы, естественно, знания о мире, как необходим и анализ знаний носителей языка в рамках определенной культуры, анализ того, как они используют эти знания в процессе интерпретации того или иного дискурса.

Поворот современной лингвистики от изучения языка как системы в изолированном виде к его изучению в различных формах речевой деятельности в процессе коммуникации, а также выбор новых иерархических единиц, таких как текст и дискурс, позволяет понять сущность связности и цельности дискурса.

Обращение к этим проблемам требует, очевидно, и выбора новых коммуникативных единиц, или рассмотрения старых, но под новым углом зрения. И действительно, если при традиционном рассмотрении средств фонетического, лексического, синтаксического уровней на примере предложения/высказывания можно было говорить отдельно, скажем, об апеллятивной функции, то на уровне текста их можно рассматривать скорее всего только в комплексе, настолько тесно они переплетаются и взаимодействуют, можно говорить лишь о преобладании в каждом конкретном случае той или иной стороны, но никак о ее присутствии в чистом виде.

На уровне дискурсивного текста следует, очевидно, оперировать более обобщающими понятиями, и таким понятием может быть воздействующая функция просодии, которая суммирует все имеющиеся в ее инвентаре средства (совместно со средствами других уровней языка), для воздействия на слушателей.

Выделяемые, однако, различными исследователями средства связи, а также классификация этих средств в значительной степени зависят от того направления, в русле которого проводится исследование связности текста. Вместе с тем мы особо подчёркиваем, что помимо структурной, семантической связности в последнее время именно в дискурсных исследованиях выделяется еще один вид – коммуникативная связность. Во многих исследованиях на этот счет приводятся рассуждения Г.В. Колшанского о коммуникативном аспекте языка, который, по словам ученого, «означает прежде всего наличие единой структуры языковых единиц общения, скрепленных неразрывной связью содержательной и формальной сторон» [18; 19]. Важно при этом отметить, что в реализации коммуникативной связности участвуют языковые средства всех уровней – лексического, синтаксического и фонетического.

Наиболее полной системой признаков связности текста является, по нашему мнению, система, предложенная А. А. Леонтьевым: а) грамматическая зависимость предложений от исходного предложения, выражающаяся в их синтаксической неполноте, грамматической согласованности с исходным предложением и т. п. характеристиках; б) синсемантичность предложений, выражающаяся, в частности, в специфическом употреблении лексем (например, указательных местоимений, вводных слов и т.п.); в) соотнесенность компонентов с точки зрения актуального членения, реализуемая, в частности, в порядке слов предложений; г) фонетическая соотнесенность связанных компонентов, выражающаяся в паузировании, появлении контекстуальных интонационных вариантов; д) коммуникативная соотнесенность компонентов; е) не определяемые в рамках лингвистики «фоновые» характеристики и т.п. [20].

Перечисленные признаки связности, а их список может быть продолжен, не являются облигаторными. Речевая единица, характеризуемая связностью, обязательно имеет набор признаков, но выбор того или иного признака относительно свободен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сукаленко Н. И. Об отсутствии эпистемологии в гуманитарных науках и о диффузности понятия дискурс // Вісник Харків. ун-ту. Серія Філологія. – Х., 2001. –Вип. 23. –С. 19.

2. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. С. 137.

3. Городецкий Б. Ю. Терминоведение и переводоведение // Лингвистика текста: Сб. ст. – М., 1994. – С. 57.

4. Степанов Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований: Вступительная статья // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. – М., 1974.

5. Николаева Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Лингвистика текста. Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – С. 467.

6. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Под ред. В. И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 121 – 122.

7. Лингвистический энциклопедический словарь... – С. 136 – 137.

8. Караулов Ю. Н., Петров В. В. Вступительная статья // Дейк Т. А. ван. Указ. соч. – С. 8.

9. Демьянов В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста // Методы анализа текста. – М.: ВЦП, 1982. – С. 7.

10. Формановская Н. И. Высказывание и дискурс как основные единицы общения // Русский язык: исторические судьбы и современность: Тр. и материалы конгресса. – М.: МГУ, 2001. – С. 19.

11. Там же.

12. Цит. по: Миронова Н. Н. Структура оценочного дискурса: Дис. ... док. филол. наук. – М., 1988. – С. 24.

13. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. – М.: Помовский и партнеры, 1996. – Т. 1. – С. 179.

14. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука к. XX в.: Сб. ст. / Под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 45.

15. Никитина С. В., Васильева Н. В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – С. 69.

16. Миронова Н. Н. Указ. соч. – С. 25, 37.

17. Дейк Т. А. ван. Указ. соч.

18. Колшанский Г. В. Проблемы коммуникативной лингвистики // Вопр. языкознания. – 1979. – № 6. – С. 55.

19. Он же. Коммуникативная функция и структура языка. – М.: Наука, 1984. – С. 89 – 126.

20. Леонтьев А. А. Психолингвистическая проблематика массовой коммуникации. – М.: Наука, 1974. – С. 47.